

НИКОГДА НЕ УМРЁМ

1990-е — на заре

Михаил Калинин,
Сергей Косеуцкий
и другие

Д. И. Дроздик
Михаил Анатольевич Калинин
Сергей Владимирович Косецкий

А. Н. Азаркович

Ю. В. Косецкая

А. В. Паршаков

Т. Е. Филиппов

Никогда не умрем.

1990-е – на заре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73879712

Никогда не умрем. 1990-е – на заре: Москва; 2026

ISBN 978-5-907975-43-9

Аннотация

Это произведение в жанре художественно-документальной прозы можно охарактеризовать как автобиографические заметки. От лица нескольких рассказчиков в нем описываются события 90-х гг. прошлого века, переживаемые как страной в целом, так и каждым из рассказчиков в отдельности. Книга представляет собой попытку авторов разобраться в себе и в истоках своего мировоззрения, создав правдивый портрет эпохи. Вместе с героями произведения мы прослеживаем цепь исторических

драм, курьезов и просто невольных случайностей, так или иначе отражающихся на судьбах поколения.

Книга предназначена для широкого круга читателей и будет интересна всем.

Содержание

Предисловие	7
Сергей Косецкий (Kosyak)	7
Михаил Калинин (Поэт)	10
Юля (Сестра)	12
Timoha	14
1990	16
От авторов	16
Сергей Косецкий (Kosyak)	17
Antikot (Шурик)	19
Саша (Староста)	20
Михаил Калинин (Поэт)	23
Сергей Косецкий (Kosyak)	27
Михаил Калинин (Поэт)	29
Сергей Косецкий (Kosyak)	31
Михаил Калинин (Поэт)	33
Сергей Косецкий (Kosyak)	41
Михаил Калинин (Поэт)	42
Timoha	46
Сергей Косецкий (Kosyak)	51
Antikot (Шурик)	54
Саша (Староста)	55
1991	60
Antikot (Шурик)	60

Саша (Староста)
Конец ознакомительного фрагмента.

61

63

Сергей Косецкий
Никогда не умрем.
1990-е – на заре

© «Пробел-2000», 2026

© Коллектив авторов, текст, 2026

Предисловие

Сергей Косецкий (Kosyak)

Хотели бы, чтобы ваши дети жили в 90-е? А сами хотели бы там оказаться?

Это героическое время надежд и порывов, возникновения первых независимых радиостанций и журналов, клубов и концертных залов, массового выпуска продвинутых произведений западных авторов. С тех пор многое закончилось и закрылось, я распрощался с несколькими иллюзиями, изменился, а песни звучат, как и вначале, по-прежнему переносят в иной мир, заявляя, что побег возможен: «Солнца не коснись, не коснись земли, ничего не делай, лишь беги, беги, беги»¹.

Выходить, выкрикивать, просыпаться и снова куда-то лететь, выхватывать из полутьмы прошлого острые надписи, шелестеть многочисленными газетами, коситься на модную

¹ Из песни Джима Моррисона, лидера группы The Doors. Перевод С. Косецкого. (Все примечания, не обозначенные пометой *Прим. авт.*, принадлежат редактору. При написании примечаний редактор руководствовался справочными материалами из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения: ноябрь, 2024)]. Список указанных в книге объектов, в том числе имен исполнителей, названий музыкальных коллективов и пр. – см.: «Комментированный указатель».)

одежду женщин, отбивать сникерсами зубы и запах утреннего пива, возвращаться беспокойными мыслями к будоражащим разговорам о будущем... Обрастать невыполненными обещаниями, данными самому себе, искать что-то новое, но постоянно возвращаться к исходным точкам, растекаться в нескольких направлениях по спиральям, пока еще не сходящимся в один мощный поток, кружиться, словно снег в стеклянном шаре, примыкать к политическим, музыкальным, литературным партиям...

Начинаю писать книгу. Строчки пробегают в голове каждую секунду, но до бумаги мало что доходит. Останавливаться нельзя – незафиксированное растворяется в быстром течении времени. Дверь открыта – люди заходят, предлагают свои истории, переживания утрат и приобретений, корчатся в судороге дней: надо успеть с утра на учебу, прочитать книгу, сочинить стихи, встретиться с друзьями, сходить на концерт, в новый клуб. Но часы не бесконечны, встречи переносятся на другой раз, накапливаясь, путаясь друг с другом, исчезая. С этими перемещениями я начинаю двигаться выше скорости света, становлюсь невидимым для окружающих.

90-е – это и наивысшая ступень, и точка отсчета стремительного падения. Только что ты был наверху, терзал красоту мира и испытывал радость любви, творил, совокуплялся, но вот ужасное известие бросает тебя об острые камни боли и страха. За тобой начинается погоня, один неверный шаг – и ты будешь пойман, растоптан и обезличен. Пытаясь сохра-

нить лицо, ты прячешься среди других, каждую ночь меняешь места ночи, каждый день проводишь в разных днях, ты неуловим, но знаешь ли ты, где находишься?

Ничто не способно остановить побег. Может быть, следователи уже забыли о тебе, у них ведь так много жертв, но ты всё ждешь человека в черном, условного стука в дверь и поглощающего галлюциногенного кошмара. Ты теряешь индивидуальность – капля за каплей, высыхаешь. Прошлые увлечения еле мерцают сквозь решетку, и ее прутья растут, жиреют, закрывая последние отблески неба. Ты практически в полной темноте – не различаешь бумаги, ручка пишет по сырой земле. Наступает абсолютная чернота, может быть, ты ослеп, трудно дышать, тело сдавливает стальной корсет, мысли мельтешат с панической скоростью: умереть, ничего не успев, не оставив после себя ничего, ни намека, ни даже тени. Бесконечность, раздумье протяженностью в несколько лет. Ты видишь проблески зари, ты ничего не боишься, ты впитываешь красоту мира, снова явленную тебе в последний раз.

Михаил Калинин (Поэт)

Что такое, вообще, 90-е? Почему именно сейчас они так назойливо и глумливо выползают из чистилища прошлого? Это мы уже стали настолько старыми, или общество, стремительно постарев всего за несколько лет, плюется последними зубами в тухлое чрево истории? Оттуда веет зловонием – история человечества никогда не отличалась чистоплотностью, но 90-е по-прежнему бурлят в ее брюхе неперева-ренными, потому что вместили в себя гораздо больше, чем иное стандартное десятилетие. Усваиваться они будут долго. Очень долго, если вообще усвоятся: столько событий, так сильно изменивших мир, людей, каждого из нас...

Не знаю, кто как, но я в 90-е верил. По-настоящему верил. И старался. 90-е для меня – это первая полностью осознанная, осмысленная и разделенная любовь; это моя дочь Алиса, решившая отправиться в путешествие по иным мирам, так и не увидев этот (хотя мне кажется, что тут всё очень не очевидно); это, фактически дословно, «молочные реки и кисельные берега», приведшие меня на пасленовую поляну Moriturus'a; это встреча с тобой, мой дорогой Друг, и с остальными искренними ребятами. По сути, вы – это единственное, что оставили мне в наследство 90-е на будущую жизнь, талым смехом истлев вместе с той любовью, Алисой, «молочными реками», Moriturus'ом и прочими менее значи-

мыми событиями, поступками, взглядами.

А главный урок топкой декады – это нашедшая меня вера. Вера в Бога, которая, в принципе, была у меня всегда, но понадобились 90-е, чтобы я это понял и принял. Строительство храма начинается с замысла, и лишь потом на площадку завозится строительный материал. Так вот, для меня замыслом, как и для всех верующих людей, было мое рождение, произошедшее в глубине 70-х, а 90-е стали как раз той самой площадкой, где собирались разрозненные части будущего святилища.

Так были ли они в реальности? Была ли реальность когда-нибудь 90-ми? Удивительно, но ответы на эти вопросы волнуют не только родившихся позже, но и тех, кто вместе с нами пережил последнее десятилетие XX века. Пролетевшее с той поры время исказило многие образы, опустошило лица и опрокинуло саму память, практически не оставив надежды восстановить фрагментарно или эпизодически живую канву миллиардов сердцебиений. Но мы постараемся уловить их отзвуки, всё еще тревожащие наш слух. Мы постараемся хоть отчасти воскресить те годы в неспешном диалоге на страницах этой книги.

Юля (Сестра)

В 90-х годах произошли кардинальные перемены. Мы жили на переломе всего, чего только можно. Распался Советский Союз, где всё было прописано на пятилетки вперед. Казалось, что открылись новые горизонты. Но в итоге, конечно, вышло не так. В 1998-м произошел финансовый кризис, то бишь дефолт. К концу года доллар перевалил за двадцать рубликов, хотя начинал где-то с шести рублей. Один из самых тяжелых экономических кризисов в России. Всё обнулилось. Помню, приходилось продавать вещи на Тишинке, чтобы просто купить еды. Родителям задерживали зарплату.

Да что там, многие предприятия закрывались, наступала безработица, росла инфляция. Люди теряли свои сбережения. На нас с братом родители еще в СССР открыли накопительные вклады. Их называли «свадебные счета». Планировалось, что в восемнадцать лет можно снять деньги и на них сыграть свадьбу. Молодожены могли купить мебель и другие дорогие товары. Но деньги превратились в тыкву. Помню, как мама принесла нам с Сережей два сникерса с этих денег.

Но тогда всё воспринималось иначе. Все верили в американскую сказку. А ритмы рока и панка отражали наши мысли и желания. «ДДТ», «Аквариум», «Наутилус Помпилиус», «Гражданская оборона», «Кино», «Алиса», «Агата Кристи», «Сплин», «Калинов мост», «Крематорий» выпустили в то

время, наверное, самые лучшие свои альбомы.

Тимоха

90-е годы – это путь в неизвестное. Длительный, но достаточно бодрый и веселый, хотя в самом начале десятилетия я лишился своей Родины: вследствие различных событий, включая путч 1991 года², ушел в историю Союз Советских Социалистических Республик. В результате как какое-то единое целое последовали приватизация, вооруженный конфликт между Верховным Советом и президентом³, война в Чечне и, логическим завершением всего этого, дефолт.

В целом, всё это было где-то там: в телевизоре, за окном. Причем за окном – в буквальном смысле слова, поскольку проживал я в непосредственной близости от Дома Советов РСФСР⁴ (где заседали Совет Министров РСФСР и впоследствии присоединившийся к нему Верховный Совет РСФСР) – нашего «Белого дома». Но происходило это не со мной лично, я был лишь сторонним наблюдателем и не особо вникал в то, что творится вокруг. Однако какая-то тревога о будущем, не стану отрицать, возникала. Ведь совершенно не

² Попытка государственного переворота в СССР, состоявшаяся в августе 1991 г. (августовский путч).

³ Внутриполитический конфликт в России – «штурм Белого дома», произошедший 21.09–04.10.1993.

⁴ В настоящее время – Дом Правительства Российской Федерации.

было понятно, куда всё это приведет...

А я тем временем окончил школу и поступил в институт.

1990

От авторов

Наверняка найдутся люди, которые скажут, что формально, если следовать юлианскому и григорианскому календарям, относить к 90-м 1990 год неверно. Спорить не станем. С этой точки зрения, поскольку в традиционной хронологии отсутствует «нулевой» год, каждое новое десятилетие – а вместе с ним и век, и тысячелетие – начинается с «первого» года. Таким образом, 1990 год – это как бы десятый год 80-х годов, а собственно «90-е» нам следовало бы отсчитывать с 1991 года. Всё верно. Но для нас важнее не математическая верность хронологии, а катарсис нашего восприятия окружающей реальности. И в этой реальности, когда мы говорим: «девяностые», мы имеем в виду те годы, которые в разряде десятков имеют цифру «9».

Сергей Косецкий (Kosyak)

Слышишь, вспоминаешь, сравниваешь... Кажется, ты сам становишься участником событий, столь милых твоему сердцу. Вот ты уже рассказываешь друзьям о своих выдуманных похождениях, но знает ли кто-нибудь, что это вымысел? У людей в памяти остаются лишь смутные очертания, дальше они сами дорисовывают картинку, главное – подбросить несколько живописных штрихов.

Воспоминания тех лет: солнечные нити скользят по моим рукам, я стою на пустынном проспекте. Блуждания, блуждания... Я не любил метро и ходил пешком – лишь странствия излечивают душу. Шепчущиеся вечерние переулки. Я встретил множество людей, одиноких днем, но собирающихся в свои тайные сообщества после захода солнца и поклоняющихся темным силам, совершающих мессы и жертвоприношения, – однажды я попал на заседание секты на Арбате. Я был слишком молод, чтобы понять, что происходит, но таинственность завораживала. Через несколько лет после этого я случайно принял участие в групповом сеансе холотропного дыхания и вспомнил эти непередаваемые психоделические ощущения.

Я подглядывал за влюбленными, целующимися под покрывалом темноты; я слышал, как происходят преступления и кражи; я сидел под мостом и вглядывался в черную воду,

скрывающую новый день; я много размышлял, пока мысли не иссохли от повторения, а с первыми лучами солнца я чувствовал: наконец я свободен!

Antikot (Шурик)

Он же – Котеич. Несмотря на то, что у меня всегда были собаки. WOOF! Погоняло⁵ родом оттуда, из 90-х – времени абсурда и противоречий; погоняло такое же, как и само время. Прошло уже несколько десятилетий с начала той эпохи, многое забылось и потускнело. При этом стало сложно отделять реальные события от тех, которых на самом деле не было, но они действительно могли бы произойти!

⁵ Прозвище, кличка.

Саша (Староста)

Друг Kosyak огорошил: пишем книгу про 90-е! в жанре интервью! Ответь для начала на простой вопрос: три самых главных события 90-х для тебя?

Ничего себе...

Как же выбрать-то? Как назвать три события из целого десятилетия – декады, да какой! Когда и ты сам, и страна, и мир вокруг изменились, как не во всякие десять лет.

Декады, в которую ты входил отроком, еще даже не тинейджером, а выходил – уже совсем взрослым. Которую начинал восьмиклассником – и по окончании которой, был инженером-системотехником с дипломом. Декады, за которую твоя страна стала неузнаваемой: поменялись название и флаг, общественно-политический строй, экономическая формация, вообще всё. Декады, за которую поменялся и весь мир: люди, технологии, музыка, язык... В 90-м я печатал Высоцкого на домашней пишущей машинке – в 99-м я парсил⁶ HTML мегабайтами... И так во всём.

Был большой поэт⁷, и он написал про годы своей юности: «Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...» Потом

⁶ Парсить (от «парсинг») – с помощью скриптов собирать в сети Интернет информацию определенной тематики.

⁷ Давид Самойлов (1920–1990).

пришел другой большой поэт⁸, пришел и написал: «Восьмидесятые, усатые, хвостатые и полосатые».

Я задумался: а какие 90-е? «А девяностые – серьезные, спидозные и схематозные?» (Не, это «Московским комсомольцем» запахло.) «Конкретные, лихие, грозные?» (Ага, стихи типичные колхозные.) Ну а какие еще? «Грандиозные и одиозные?» (Не, мы метамодерн ищем, а это какая-то передовица таблоида.)

Ходил из угла в угол, думал. Но я ж не поэт, я только иногда писатель-прозаик, да и то... «Про каких еще заек ты писатель?» (©). А тема-то не отпускает; вышел из дома во двор, выпил водочки на морозе (плавленным сырком закусил) – сразу догадался!

Восьмидесятые – усатые? Хвостатые и полосатые? А девяностые тогда какие?

А девяностые – бесхвостые!

А?

Минут десять ходил крайне довольный собой. Потом пошел проверять, не догадался ли кто-нибудь еще. Ну, так и есть! Какой-то графоман печальный уже десять лет назад сочинил. Кажется, даже не в рифму Рыжему, а просто так.

Ну и ладно, что ж.

⁸ Борис Рыжий (1974–2001).

Какие три события всё-таки выбрать?

Те колоссальные изменения, которые произошли со страной, создание того государства и тех экономических отношений, в которых мы и сейчас живем, трехцветный российский флаг над Кремлем. Пик этих перемен, апофеоз пришелся на 91-й, на его вторую половину, август и декабрь. Пусть это будет событие номер три.

Взросление, выбор пути, образования, профессии – это тоже мои 90-е. МИРЭА, студенчество, а если выбирать одно событие – то, конечно, поступление. Пусть это будет номер два.

90-е – это свобода: и слова, и собраний, и вероисповедания. И сколько же всего она с собой принесла... И унести могла – куда только не... Но вот в этом вихре и урагане, в этих открытых шлюзах – и что только не хлынуло в эти шлюзы, – в этой беспощадной свободе всего повезло же как-то прочесть, кроме кучи ненужных, несколько нужных книг. И верующим, и христианином, и православным я сделался в 90-е – или меня сделали 90-е. В иное время это было бы по-другому, а у меня случилось вот так. В 97-м я крестился в маленькой православной церкви за Сущевским Валом. Это точно событие номер один.

Михаил Калинин (Поэт)

Мои 90-е стартовали, пожалуй, чуть раньше их официального хронологического прорыва – с Московского международного фестиваля мира (ММФМ) «Рок против наркотиков» в конце лета 1989 года. Значительная часть его организаторов и участников, так или иначе, имела определенные проблемы с пагубными зависимостями, и потому впоследствии, я уж и не помню с чьей легкой руки, фестиваль безапелляционно окрестили «Пчелы против меда».

Мне тогда все эти истории были абсолютно параллельны – в свои пятнадцать СССР-овских лет я довольно смутно представлял себе наркоманию и наркотики. Ну, то есть, в принципе, я знал, что это такое, однако в моем восприимчивом сознании такие пороки, в отличие от традиционного советского пьянства или, например, люберовского⁹ (надеюсь, вы понимаете, о чем речь) хулиганства, имели лишь смутные очертания, подобно комете Галлея, на оглушительной скорости несущейся к Земле в пустом холодном пространстве вселенского космоса (она наблюдалась за три года до этого, но долго еще бредила людские умы). Поэтому в желании попасть на концерт мною руководило и целелеполагающе на-

⁹ Люберовский, люберский – прил. от «люберы» (или «люберб»): молодежное движение 1980–1990 годов, возникшее в г. Люберцы Московской области. Идеология люберов включала, в том числе, культ физической силы.

правляло исключительно страстное увлечение рок-музыкой, которое я «заработал» несколькими годами ранее чисто по случаю. Когда-нибудь наберусь смелости и расскажу о нем, но сейчас оно никакого отношения к делу не имеет.

Не помню, сколько стоил билет и как он ко мне попал. Уже позже я читал, что его цена составляла пятнадцать рублей – для меня это были недоступные деньги. Даже если бы я откладывал свои ежедневные десять копеек на булочку, то начинать это надо было еще осенью 1988 года, а анонс фестиваля грянул – действительно, как гром среди ясного перестроечного неба – гораздо позже. То ли уже весной, то ли вообще летом. К тому же регулярному гривеннику было другое, не менее важное применение: пластинки и кассеты моему растущему организму, нетерпеливо познающему мир западных ценностей, требовались гораздо больше, чем углеводы и жиры.

Хотя, если бы я за достаточный срок узнал о готовящемся шоу, я бы без малейших сомнений променял их на билет – событие такого масштаба впервые происходило в СССР, и пропустить его было нельзя. Тем более в «Олимпийском» в 1987 году уже сыграли Uriah Heep, тогда же состоялись фестивали в Подольске, Черноголовке и московских «Лужниках» – и всё это без меня (не уверен, что я знал о них, но точно чувствовал, что уже лишаюсь чего-то важного).

Одним словом, более решительным, чем в августе 89-го, я за всё свое детство и отрочество не был (даже в общении с

девушками я испытывал больше смущения). Проблем с родителями не возникло – похоже, как раз в этот период семья, и так не являвшаяся образцом благочестия, перешла в разрушительную фазу сверхновой (тогда я еще довольно сильно увлекался астрономией), чтобы через какое-то время бурно взорваться, превратившись в черную дыру. Пульсирующие туманности этого взрыва будут преследовать меня всю последующую жизнь, и даже после смерти отца матушка не угомонится, осыпая его проклятиями. Но тогда я об этом еще ничего не знал и потому с совершенно спокойной душой отправился на фестиваль.

Определение «Вудсток» мне тоже еще не было знакомо, да и к тому же в 1989 году никому и в голову не приходило назвать ММФМ «русским Вудстоком». Формально наше мероприятие даже близко на него не тянуло, поскольку было заметно меньше и увеличиться в силу ограничения самой площадки – стадиона (пусть и Большой спортивной арены, но всё равно жестко огороженной трибунами) – просто физически никак не могло. Смущало ли это кого-то? Вовсе нет. «Русский Вудсток» ли, не Вудсток – людей не волновало. В Москву летела толпа мировых звезд – рокеров первой величины, и это всё решало на корню.

К сожалению, воспроизвести в памяти все события шоу, свое точное местонахождение, свои эмоции и действия сейчас я не в состоянии. Скорее всего, я был еще слишком юн, чтобы как-то фокусироваться на подобных вещах, скрупу-

лезно укладывая их в ментальные ячейки для дальнейшего сохранения и упоения. К тому же многократно потом пересмотренные фильмы о фестивале запутали в голове густой клубок разрозненных фактов, слухов, личных впечатлений, комментариев очевидцев и организаторов, «говорящих голов», просто повисших в контексте фраз и пришедшихся не к месту откровений.

Как ты правильно сказал, Сереж, остались лишь «смутные очертания». Сложенная из них подсознанием картинка уж слишком напоминает гляцевый видеомонтаж клипового формата. За этим монтажом реальность, увы, теперь едва угадывается. Но старт моим 90-м она уверенно и беспощадно дала.

Сергей Косецкий (Kosyak)

В 90-м году у меня еще не было CD – у родителей был оловянный¹⁰ проигрыватель виниловых пластинок со скрипящей иглой. Назывался «Вега». И куча старых пластинок: Пугачева, Леонтьев, Высоцкий, Антонов, органная музыка – Бах из Домского собора в Риге... Самое свежее приобретение – группа «Кино»: «Черный альбом». В том году Виктор Цой выступил на празднике «МК» в «Лужниках» при огромной толпе. К сожалению, вскоре он разбился насмерть в автокатастрофе.

А у дедушки в мастерской на Таганской стояла ламповая радиола – радиоприемник с проигрывателем – «Беларусь». «Радиола», кстати, – это тоже имя собственное, со временем превратившееся в русском языке в имя нарицательное. Первая Radiola в виде товарного знака появилась в США в 1922 году – для нашей истории это слишком рано и далеко.

Дед был художником, мы с братьями и сестрами часто у него собирались – пили чай из самовара, слушали Окуджаву, рассматривали картины. Я любил лазить на второй этаж и вдыхать запах красок. В мастерской было много книг по искусству – так я узнал и о Ван Гогге, и о Гогене, заинтересовался художниками и стал регулярно ходить на выставки в ЦДХ. Но рисовать я так и не научился – музыка и литера-

¹⁰ В данном контексте – старый (сленговое выражение).

тура победили!

Михаил Калинин (Поэт)

Ты знаешь, у меня тоже была «Вега». У тебя какой номер? У меня... Нет, постой. Это же была «Radiotehnika melodija-103B-stereo». Я ее до сих пор не выбросил, отправив на вечный покой на дачу. Мумифицировать не стал – она же не Ленин и не египетский фараон, просто проигрыватель, который штамповался тысячными тиражами. Однако выкинуть рука не поднялась. Не знаю почему, но я чрезвычайно трепетно отношусь к технике. К самой разной технике. Особенно когда это первая техника в моей жизни.

Свой первый автомобиль – «Таврия» – продавал чуть ли не со слезами. Ты должен ее помнить – это машина из твоего «свадебного кортежа». Она постоянно глохла и ломалась чаще, чем ездил, но во время той свадьбы спасла нам жизнь, резво рванув, когда реально нужно было рвануть. Продал ее только потому, что держать было негде, малолитражный автомобиль – он всё равно автомобиль и места требует прилично.

А вообще, если у меня дома полазить по антресолям, стенным шкафам и потаенным ящикам письменного стола (потаенными они стали лишь потому, что я в них уже двести лет не заглядывал), там можно обнаружить массу всевозможных приборчиков, устройств и механизмов. Старые пленочные фотоаппараты, экспонометры, кассетные плееры, дикто-

фоны, провода и разветвители, переходники, какие-то непонятно для чего предназначенные модули, компактные колоночки...

Зачем мне всё это? Не знаю. Многое уже просто не работает. Тупо валяется без дела, занимая драгоценное пространство моего бытия. Но если из пространства бытия я это могу изъять и, закрыв от страха глаза, отнести на помойку, то из пространства души, как бы высокопарно это ни звучало, исключить не могу. Оно там так прочно обосновалось, вплестись мягкими нитями своих историй в тонкий узор воспоминаний, что вырвать его оттуда без огромной боли совершенно невозможно.

Вот и «Radiotehnika» – из той же компании. Не берусь судить о ее технических достоинствах, но для меня в те времена она была кристальной вершиной технического прогресса. В первую очередь – за счет встроенного усилителя, к которому я и магнитофон подключал, и электрогитару. Собственно, как усилитель «Radiotehnika» в моей семье позже и использовалась. Долго. Чуть ли не до начала «нулевых».

У нас уже был многоярусный Technics¹¹, но советский проигрыватель, собранный в Риге, упорно боролся за свою жизнь и регулярно нами включался (для чего?) вплоть до отправки на дачу.

¹¹ Музыкальный центр.

Сергей Косецкий (Kosyak)

Но проигрыватель – не единственная моя радость. Параллельно у меня был магнитофончик японский – настоящий! Назывался Sanyo. С одной кассетной декой, радиостанция-ми в УКВ-диапазоне и несколькими кассетами The Beatles и Deep Purple. «Битлов» было больше всего – спасибо отцу, что привил мне любовь к ним!

Я не мог обходиться без магнитофона и дня, поэтому брал его с собой на летние каникулы в город Ковров, куда мы с сестрой ездили регулярно до 1994 года. Там у бабушки и дедушки были квартира и дача. В квартире стоял старый советский черно-белый телевизор на ножках. По нему приходилось бить кулаком – постоянно шли помехи, и почему-то считалось, что удар по верхней крышке как-то их устраняет. Также использовался стабилизатор напряжения, ибо электричество постоянно куда-то девалось. Всё это происходило в одной маленькой комнатке трехэтажного дома из 50-х годов: дедушка приходил с завода и смотрел программу «Время», бабушка хлопотала на пятиметровой кухне – пекла пирожки, а мы с сестрой слушали магнитофу, в основном радиостанцию «Маяк».

Хотя у нас был и собственный «Маяк» – еще один магнитофон, но катушечный и довольно старый. Его прятали в антикварном серванте. Наверное, потому, что он был уже из-

рядно потрепан, пленку постоянно жевало и рвало, да и пахло от него безнадежно невосполнимым ретро: «Песняры», «Лейся, песня», Антонов, Вайкуле, Добрынин явно не были рокерами! Я пытался поверх всего этого записывать «по воздуху» с радио Deer Purple, но успеха не достиг.

Так что главным развлечением всё-таки оставался Sanyo. Как же было приятно отвозить его на дачу и включать на всю громкость! Сбор ягод с одиннадцати кустов черной смородины и трех – красной, а также крыжовника, малины и клубники сразу становился увлекательным. Да что говорить, так и колорадские жуки гораздо веселее бензином поливались, а майские – в коробочки паковались!

А вот плеера, чтобы под музыку собирать в лесу грибы, бруснику, чернику, еще не было. Эх, до сих пор вспоминаю звуки и запахи лесов Владимирской области, вкус сырых личичек и рыжиков, слизь маслят, загадочные волнушки, прекрасные мухоморы... Мы с сестрой соревновались в сборе белых и подосиновиков под сияние папоротников...

Михаил Калинин (Поэт)

До такой роскоши, как японский магнитофон, я добрался гораздо позже. Только в середине 90-х, когда купил уже упоминавшийся Technics – скажем так, в кредит (кредит я самовольно взял у своего работодателя – это отдельная история, к которой вернусь как-нибудь в другой раз). А тогда, в конце 80-х – начале 90-х годов, у меня была, можно сказать, легендарная, но на самом деле довольно посредственная – «Электроника-302». Хотя, мне кажется, это лучшее, что когда-либо выпускалось зеленоградским «Точмашем».

Я до сих пор чуть ли не в мельчайших подробностях помню всю историю ее появления. Как мы долго копили деньги, в какую шкатулку их складывали (эта шкатулка жива до сих пор – матушка держит в ней какие-то древние документы). В первый месяц накопления родители отложили десятку, но эта сумма для хлипкого инженерского бюджета оказалась слишком большой, поэтому уже недели через две она превратилась в пятерку. Следующие несколько месяцев в мою кубышечку попадали только рубль-два, причем дискуссия о том, что я должен сделать ради получения магнитофона, нагнеталась и затейливо раскручивалась в регулярном формате.

Предки не испытывали и минимального желания тратить полторы-две сотни рублей на игрушку, которая – и в этом

они были совершенно справедливо уверены – потянет за собой дополнительные и еще бульшие расходы. Ведь кассеты были заметно дороже пластинок. Чистая «МК-60» стоила порядка четырех рублей. С записью у спекулянтов-перекупов на вокзале в Мытищах (это было единственное место в ненавистном мне городе, куда я отправлялся с радостью) – уже десять рублей. Но проблема была в том, что продолжительность диска, как правило, составляла около сорока минут, поэтому – та-дам... на шестидесятиминутной «МК-60» вы получали либо два неполных альбома, либо один целиком, но с кучей шлама на оставшейся пленке.

Альтернативный вариант – импортные девяностоминутные кассеты. Однако их цены я не помню, потому что, по моим детским представлениям, она улетала куда-то в недосягаемые небеса, выше Ту-134, под двадцать пять рублей. Воспитанный в советском марксистско-ленинском ценопонимании, я никак не мог себе представить, что в стране равных возможностей могут даже гипотетически существовать люди, способные отдать четвертной за кассету. Как же они, несчастные, будут жить оставшийся месяц?

Не помогал даже пример реально богатой семьи, который всегда был у меня перед глазами: дед Коля и тетя Полина (сестра моей бабушки; их обеих осенью 1941 года «излечили» от эпилепсии немецкие бомбардировки Москвы). Они жили в центре города Калинина, в роскошном доме с четырехметровыми потолками и туалетом размером с комнату.

Но деду было глубоко за шестьдесят, он был генерал-майором, и я ни разу не заставал его за прослушиванием рок-музыки, хотя навещал довольно часто.

В гараже (да-да, гараж – еще один неперенный признак богатства советского гражданина; у тебя может не быть автомобиля, но, если у тебя есть гараж, автомобиль уже не имеет никакого значения – твой авторитет непоколебим), так вот, в гараже стоял новенький «Москвич-412», за городом по весне открывался дачный сезон (по нашим временам – ничего особенного: щитовой домик на 12 сотках, но тогда – вопиющая латифундия); деду Коле – Николаю Никитичу – не составляло никакого труда в любой момент, смахнув пылинку с золотой генеральской звезды, купить кассету за двадцать пять рублей. Всё равно что моей маме, инженеру «почтового ящика»¹² в Мытищах, батон «Докторской» по два-двадцать¹³. Но дед кассеты не покупал, хотя получал со всеми надбавками, содержанием, пайком и бог весть еще какими благами, положенными орденосному генералу (я случайно услышал в разговоре бабушек и месяц потом не мог заснуть в темноте) около шестисот рублей. Я повторяю по слогам, чтобы вы лучше понимали: шес-ти-сот советских рублей. Конечно же, послереформенных, с уже отрубленными

¹² «Почтовый ящик» – так в СССР называли засекреченные предприятия, которые производили, как правило, продукцию оборонного характера.

¹³ «Докторская» – сорт вареной колбасы, 1 кг которой стоил в те времена 2 руб. 20 коп.

Хрущевым нулями, – на дворе, напомним, 80-е впрыгивают в 90-е.

Одна из самых передовых моделей предразвального СССР – цветной телевизор «Темп Ц-280Д», который мой папа, искренне гордясь собой, неизмеримо многоходовыми комбинациями «достал» в кредит на год или два, стоил тогда семьсот пятьдесят пять рублей, а тут в месяц – чуть меньше. Естественно, юное пионерское сердечко забилось машиной Ван де Граафа¹⁴.

Человек с такой зарплатой (больше явно только у Горбачева), безусловно, мог отдать «фиолетовую»¹⁵ за любую кассету и даже за пару-тройку кассет в месяц, но, не знаю уж почему, рок-музыка деда ни с какого ракурса не интересовала (удивительно?!). В доме, кажется, и магнитофона не было. Проигрыватель какой-то и пластинки – помню, а магнитофона – нет. Хотя, может быть, мне его просто не включали. Впрочем, важно не наличие, а логические цепочки, которые я в своем возрасте строил, основываясь на незамысловатой подростковой логике. И все они упирались в неразрешимый тупик цифры «двадцать пять»: кто вообще покупает эти, мать их, девяностоминутные кассеты, если единственный известный мне богатый человек не слушает рок? Ну, реально, как тут уснешь?..

¹⁴ Ван де Грааф, Роберт (1901–1967) – американский физик, изобретатель высоковольтного генератора.

¹⁵ Купюра фиолетового цвета номиналом в 25 рублей, выпускавшаяся в СССР.

Хотя я отвлекся. Кассеты – это всё-таки потом, зло неминуемое, но впоследствии бывшее. Первый и куда более радикальный рубеж, который мне предстояло взять, – сам магнитофон. И просто так родители сдавать его не хотели, намереваясь «продать», как можно дороже. Само собой, началось всё традиционно строго (как и с ГДРовской железной дорогой, которую я так и не получил): с дневника лишь с двумя (щедрое милосердие, скорее напоминающее милое семейное издевательство) итоговыми «четверками» – по труду и физкультуре.

Достичь такой эволюции общеобразовательной мысли мне и тогда (и тем более сейчас) было абсолютно нереально. Да что там нереально: окончить четверть на «пятерки» – это как те самые шестьсот рублей деда Коли, – ну, разве что дети Горбачева смогут. Поэтому торг с родителями был, сами понимаете, сложный. Но я бился стойко, и, в конце концов, уж не помню как, условия заметно упростились. Однако процесс накопления стал чудовищно буксовать – хиленький ручеек трешек и пятерок никак не хотел превращаться в бурный «голубой поток» на тот момент пущенного в строй газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, и на пороге сотни мы застряли окончательно.

Я уже начал терять веру в «разумное, доброе, вечное»¹⁶, постепенно прощаясь с роком, как вдруг бабушка со своей скромной пенсии выдала какую-то совершенно фантасти-

¹⁶ Цитата из стихотворения «Сеятелям» русского поэта Н.А. Некрасова.

ческую сумму – рублей двадцать или даже тридцать. Тут, на мое счастье, отец изобразил очередной этюд в алкогольно-развратных тонах, не вмещающийся в рамки лаконичного женского сознания. Поэтому назло ему матушка, получив то ли аванс, то ли зарплату, решительно взяла меня за руку, и мы отправились в ЦУМ.

Нам повезло. Мы попали на продажу свежедоставленных магнитофонов «Электроника-302-1» по сто сорок четыре рубчика. Обиженная неугомонным мужем женщина сразу повеселела – она явно думала, что оставит в Центральном универсальном магазине Советского Союза куда больше. Ее даже не расстроила очередь от прилавка до самого сердца нашей Родины – мы смиренно стояли почти до закрытия магазина, прежде чем кассовый аппарат протрещал нам свой противный, но в эти секунды как никогда мелодичный хрустящий напев.

Слизав эмоциональным взмахом выданный чек, я не мог поверить, что это, наконец, свершилось. «Электроника-302-1» (хотя, по большому счету, мне было всё равно, какой конкретно магнитофон мне купят, – я в них вообще не разбирался) отправилась в Перловку.

Разве такое можно забыть? Я помню, как будто это было вчера, запах холодного пластика корпуса (покупали точно зимой). Помню кассету Jethro Tull, выданную по классической советской привычке «в довесок»¹⁷. Тогда я еще не

¹⁷ Довесок – небольшая часть продукта (товара), добавляемая к его основной

был знаком с творчеством этой группы, но, послушав, сразу понял, что мое; знали бы в Мосторге, какой бриллиант отдавали просто так, – по тем временам за эту кассету можно было выручить очень неплохие деньги. Помню усилие, с которым нажимались кнопки, помню регулятор громкости и записи, помню цвет – странный бордово-коричневый корпус (таким он мне казался, но я ж дальтоник) и серебристый динамик. Помню, как включал, как прикасался; как разглядывал магнитную головку, прежде никогда не виденную, и прокручивал пальцем резиновый приводной ролик. Резкий звук выстреливающей крышки, шум механизма привода, перематывающего кассеты... Красненький маячок включения в сеть, четкий рельеф трех декоративных полосок над надписью «Электроника-302-1», колкие направляющие штырьки в кассетном отсеке, тщетно болтающийся индикатор под прозрачным колпаком, гладкий пенал для батареек и подключающийся к нему контактный «хвост», боковую панельку для четырех выводов пятиштырьковых аудиоразъемов – это всё я тоже помню.

Зачем память сохранила эту, теперь абсолютно бессмысленную, информацию? Зачем она мне сейчас нужна? Чтобы лишний раз погоревать о безвозвратно отыгранном отрочестве? (Довольно неплохом отрочестве, надо сказать.) Об уже ушедших отце и бабушке, которая буквально через месяц – или даже раньше – купила мне шестидесятиминутную кассе-

ту с полчасовыми огрызками альбомов *Bad* Майкла Джексона и *True Blue* Мадонны? При ее семидесятирублевой пенсии, после инвестиции в мой магнитофон, это было весьма опрометчиво, и я бесконечно благодарен ей за такой безрассудный поступок. Она так и умрет бессребреницей, ничего не накопив. А ее дочери будут годами спорить между собой, за чей счет поставить памятник, и в итоге сойдутся на том, что это должны сделать внуки.

Видите, тут за каждым поворотом открывается новый вираж, всё глубже погружая тебя в грусть о том, что когда-то было дорого и чего теперь уже нет. Отправляться в путешествие по этим печальным тропкам крайне опасно – запросто можно напиться, не дойдя до финиша, потерять разум в извечной русской хандре, усиливающейся прогрессирующей рефлексией. Но мы, Сереж, должны дойти, обязательно должны, чтобы окончательно разобраться с этими неотвратимыми 90-ми!

Сергей Косецкий (Kosyak)

Эка тебя пробрало. Но мы ведь и, правда, собрались тут не для грусти. Нам надо вспомнить всё максимально подробно, чтобы потом уже никто не смог это забыть или перекрасить в другие цвета. Как, помнишь, у Rolling Stones в *Paint It Black*: «No colors anymore I want them to turn black»¹⁸.

Кстати, в Союзе эту песню впервые опубликовали, как мне кажется, в конце 80-х, когда у «Мелодии» стали появляться классные пластинки в серии «Архив популярной музыки». Первая ко мне попала с группой The Doors, называлась она «Зажги во мне огонь» (*Light My Fire*). На оборотной стороне конверта была интересная аннотация – сразу захотелось купить остальные издания! Я тусовался в магазине «Мелодия» на Маяковской и в итоге приобрел Creedence *Clearwater Revival* – название никак не мог перевести на русский, Led Zeppelin – *Stairway to Heaven*, несколько пластинок Rolling Stones. Среди них – *Lady Jane*, куда как раз и включили *Paint it Black*. Это было мощное проникновение в мир западной музыки!

По-моему, эти пластинки стоили тогда три рубля.

¹⁸ Никаких других цветов, я все хочу видеть в черном цвете (англ.).

Михаил Калинин (Поэт)

Если быть точным, серия «Архив популярной музыки» (АПМ) появилась в 1988 году. Это не я такой умный (ну, или старый) – это «Википедия» подсказывает. С точки зрения сегодняшнего дня – совершенно беспардонное «пиратство». Причем ребята умудрились нагреть практически всех: само собой, исполнителей (они капиталисты, их не жалко), которые не получили ни копейки лицензионных отчислений, так еще и покупателей, поскольку им – а это сплошь классово близкие совграждане – пластинки продавались по три с половиной рубля как лицензионные. У «Мелодии» было четко: по два с половиной рубля шли диски отечественных исполнителей, а по три с половиной – зарубежных, поскольку один рубль из этой суммы как бы уходил «за бугор» на роялти. Но куда реально отправлялись деньги – мы не знаем. В лучшем случае – наверное, братской компартии, в худшем... Хотя что тут лучше, а что хуже – совсем неочевидно.

При этом ссылки на правообладателей и партнеров были далеко не на всех иностранных релизах «Мелодии». В АПМ их, кажется, вообще не было. Например, на конверте «Дорз» – да, вот так группу The Doors именовала «Мелодия» – проставлена весьма обтекаемая и довольно сомнительная благодарность некоему А. Шалобасову из Москвы, которому студия бьет нижайшие поклоны за предоставление

записей из коллекции для «составления программы». Хм... Программы? Что они имели в виду?

Существовал ли в реальности товарищ Шалобасов – околонузыкальные хроники умалчивают. Так же как А. Белявцев и М. Гулин, тоже из Первопрестольной, которым меломаны СССР обязаны появлению на свет в этой же серии, например, диска Rolling Stones – «Игра с огнем» (*Play with Fire*). А Creedence Clearwater Revival вообще просто так издали и никого не поблагодарили: музыка – это, похоже, реально всенародное достояние, которым «Мелодия» без стеснения и зазрения совести делилась с населением одной шестой части суши абсолютно открыто. Однако в альтруизме фирму грамзаписи уличить не получится: апрелевские¹⁹ дельцы не только брали деньги за свою продукцию, но и аккуратно ставили значок копирайта на каждое свое творение. Даже если оно было состряпано по мотивам «мелодий и ритмов зарубежной эстрады» без информирования авторов.

Чтобы лучше понять финансовый размах этого «благородного пиратства» (оно, если не ошибаюсь, называется «каперство» или «флибустьерство»), напомним, что официальный курс доллара к рублю был тогда в районе шестидесяти копеек. Естественно, по такому курсу инвалюту ты нигде купить не мог, и даже тем, кто работал за рубежом, зарплату платили в чеках «Внешпосылторга» (весьма туманного Все-

¹⁹ В г. Апрелевке (Московская область) располагался Апрелевский завод грампластинок – подразделение компании «Мелодия».

союзного объединения), у которых тоже был свой курс. Расплатиться ими можно было только в магазинах «Березка», окруженных, что неудивительно, стадами спекулянтов. «Березки» были крупницами манны небесной на грешной советской земле – в них имелось всё. Ну, то есть, вообще всё. Даже то, о существовании чего жители СССР в принципе не имели никакого понятия.

Лично для меня еще одним таким островком изобилия был Кремлевский дворец съездов (теперь он, кажется, просто Кремлевский дворец²⁰ – «съезды» стыдливо заретушировали). Я очень любил туда ходить с родителями на различные постановки, потому что там, в антрактах, продавали такую невидаль – сок манго в жестяных банках. По-моему, кубинский (а откуда же еще?). Это было фантастически вкусно! Пройдет еще много лет, прежде чем я впервые увижу заморский плод «живьем». А разделывать его научусь только в совсем зрелом возрасте – в XXI веке. Но я опять отвлекся. Как же много мыслей в голове, воспоминаний, событий, переживаний... получится ли их хоть как-то успокоить стройной систематизацией?

А что касается «Мелодии» на Маяковской, Сереж, не знаю, насколько сеть торговых точек «Всесоюзной фирмы грампластинок» была сетью в современном понимании, но ты, по всей видимости, имеешь в виду магазин «Советская музыка» – именно он находился в районе метро «Маяков-

²⁰ С 1992 года – Государственный Кремлевский дворец.

ская» на Садовом кольце. Магазины «Мелодия» были на Калининском и Ленинском проспектах. Последний – рядом с метро «Октябрьская». Я туда особо не ездил, проезжая дальше до «Академической», где тоже располагался магазин пластинок. Я не помню, как он назывался, но в нем, в отличие от центровых, – «Академическая» тогда в рамках столицы казалась чуть ли не провинцией – выбор всегда был лучше, и народу всегда было меньше.

Тимоха

К нам домой часто приезжали гости – и сослуживцы отца, и коллеги мамы. Мы жили практически в центре города, поэтому встречаться именно у нас удобно было всем: во-первых, проще собраться, а потом разъехаться по разным концам Москвы. Во-вторых, рядом находился гастроном, который работал чуть ли не до 21:00 – удивительная редкость для СССР, а также ресторан гостиницы «Украина», где люди заговаривались и в более позднее время. Ну и обязательные таксисты возле гостиницы – еще один бонус: у них всегда можно было прикупить бутылочку горячительного напитка.

Иногда сослуживец мамы приносил гитару и пел. Но происходило это нечасто, ведь приезжали к нам обычно после работы. Хотя музыка в доме звучала постоянно: проигрыватель виниловых пластинок десятилетиями оставался незамеченным в любой советской семье (и наша тут не исключение). Из дисков – в основном советская эстрада. Модель нашей «вертушки» не помню. Вероятно, даже не знал никогда. Меня это не слишком интересовало. Но послушать пластинки любил.

Маме очень нравилось творчество Аллы Пугачевой. Мне запомнился диск Юрия Антонова. Еще было несколько альбомов Владимира Семеновича Высоцкого. Вот это меня реально зацепило. Чуть позже «Мелодия» выпустила большую

коллекцию песен Высоцкого (более десяти дисков), отец ездил в фирменный магазин на Калининском проспекте (благо рядом с домом) и покупал эти диски. По-моему, смогли всю серию собрать.

Я заслушивался песнями этого легендарного актера и барда. Мне кажется, ребенку слушать Высоцкого было даже интереснее, чем сейчас – взрослому. В детстве какие-то ассоциации и образы появлялись в голове, особенно, когда в песнях встречались незнакомые слова и приходилось додумывать, о чем идет речь.

Проигрыватель был и в школе. И на продленке нам часто включали музыку. Как раз там я познакомился с творчеством группы Herreys. Очень они мне понравились. Когда узнал, что в Москве пройдет их концерт, выпросил у мамы деньги на покупку билетов. Но случился конфуз. Из-за того что билетов в продаже оставалось совсем мало и выбор как таковой отсутствовал, я взял билеты на разные места, даже не рядом. Узнав об этом, мама сразу сдала их обратно в кассу (вот повезло кому-то!), и на концерт я не попал. Но привязанности к Herreys не потерял.

А потом у нас в семье появился кассетный магнитофон. Друг родителей работал в магазине «Березка». Иногда он, скажем так, «помогал» приобретать в этом магазине импортные товары за рубли, поскольку чеков «Внешпосылторга» у нас не было, и быть не могло (родители работали в «обо-

ронке» и были «невыездными»²¹).

Так мы купили магнитофон Toshiba и несколько кассет (вроде бы Denon). Кто-то из знакомых записал на эти кассеты песни исполнителей, эмигрировавших в США, и у нас дома зазвучали Вилли Токарев, Михаил Шуфутинский, Любовь Успенская, Михаил Гулько и прочие.

У нас довольно быстро магнитофон стал полной заменой проигрывателю. Более того, гости гитару уже не приносили: слушали, как сейчас говорят, «русский шансон» и радовались жизни. Хотя я иногда всё-таки включал проигрыватель для себя, чтобы послушать Высоцкого.

Но вскоре дома стали появляться и кассеты с записями Владимира Семеновича, да еще и концертными, где он не только пел, но и общался с залом. Поэтому магнитофон было слушать и удобнее, и интереснее.

Чуть позже в той же «Березке» родители купили другой магнитофон – большущий двухкассетник Sharp. Он заметно подкорректировал семейный репертуар, привнеся записи Розенбаума и Modern Talking, Александра Малинина и Юрия Лозы, Майкла Джексона и «Машины времени» – друзья родителей записывали своих любимых артистов и делились с нами.

Потом уже мои друзья, прознав о двухкассетнике, стали обращаться с просьбой переписать им что-нибудь на кассе-

²¹ При СССР тем, кто работал на предприятиях оборонной промышленности, запрещалось выезжать за рубеж.

ту. Так я открыл для себя группы «Кино», «Наутилус Помпилиус» и «Любэ».

Про записи-перезаписи, кстати, есть интересная история. В 1990 году к моему крестному (пожилой театральный критик, жил в соседней квартире) пришли гости и попросили магнитофон. Мама была на работе, потому я позвонил ей, чтобы спросить разрешения. Она без проблем дала согласие, но, в свою очередь, попросила гостей записать нам то, что они будут слушать. Потому я отдал и магнитофон, и новенькую кассету Sony.

Вечером всё вернули в целостности и сохранности. Но кассету обещали записать позже на качественной аппаратуре. И обещание свое выполнили. Да еще как! Друг моего крестного работал в Концертном зале гостиницы «Россия» и принес оттуда запись концерта Александра Градского, настоящего «живого» концерта, где звучали песни и диалог со зрителями. Как раз то, что я любил в записях Высоцкого.

Но это был не Высоцкий, а нечто иное. И это иное мне тоже очень понравилось. Хоть там и было много политизированных песен, которые я не особо понимал. Однако были они с юмором и вполне музыкальные. Я переслушивал этот концерт очень часто и с огромным удовольствием, пока не стер его с не менее огромным сожалением – в мою жизнь вошло новое музыкальное увлечение по имени Queen, и мне срочно понадобились кассеты, которые всё еще были в дефиците.

Произошло это в 1991 году, уже после смерти Фредди. Телеканал TV Chanel (или как-то так) в то время транслировал множество клипов, и как раз тогда видео Queen были особенно популярны, даже документалку про группу крутили. Мою башню сорвало. Я влюбился в Queen.

Мне достаточно быстро удалось записать все – или почти все – альбомы группы. Кассет катастрофически не хватало, поэтому ради Queen пришлось стереть «Кино» и «Наутилус» (помимо концерта Градского, о котором я до сих пор жалею). В итоге в моей музыкальной коллекции, которую я слушал почти круглосуточно, были только диски Queen – и больше ничего.

Сергей Косецкий (Kosyak)

У моего брата Шурика примерно в это же время появился крутой двухкассетник. Мы брали у друзей кассеты с иностранной музыкой и переписывали их себе, беспощадно стирая советскую эстраду, в которой не видели ни малейшей пользы.

Постепенно, заметно преуспев, стали заниматься склейкой и нарезками. Практически как у Уильяма Берроуза. И решили записать целый магнитоальбом психоделии. Играть ни на чем не умели, просто дергали струны гитары и вопили: «Это железо, это сталь!» В итоге вышло 90 минут шума и болтовни. Жалко, кассета не сохранилась до наших дней.

Продолжая тему музыки, – учился я тогда в английской спецшколе и пытался переводить как раз The Beatles. Песни у них достаточно простые, но текстов нигде не было, а на слух получалось всякое... У The Doors лирика оказалась еще сложнее. Правда, в конце 1990 года на «Горбушке» стали продаваться пластинки с текстами – вкладышами, напечатанными на матричном принтере. Я рассматривал их и пытался запомнить незнакомые слова. Тексты к рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда» я купил за десять рублей и долго учил их.

Мой разум чист сейчас, и видеть могу я, куда

Ты людей приведешь.

Миф с человека снять – узнать тебе пора,

Чем обернется нам опасная игра.

Ты начал верить в то, что слышишь о себе,

Ты начал верить в то, что Бог сидит в тебе²².

Много переводил. Запоем, с настоящим азартом! Но хотелось сочинять свое. В итоге с братом и сестрой приступили к детективу про сыщика. Стучали на печатной машинке всё лето. Назвали сей опус – «Изумрудный бриллиант».

«Ловкого следователя звали Зип Исидорович Омский. Он расследовал похищение Изумрудного бриллианта и отправился для этого в морской круиз. Вот немного его воспоминаний.

Зип Исидорович Омский:

“Пароход был длинным и казался коротким, как жизнь, полная непредвиденностей и сюрпризов. В нем было множество люков, отсеков и переходов – места для тех, кто оказался лишним на борту. Капитан Мордберг, мудрый и опытный моряк, сидел в винном погребе, где смешивались запахи старого вина и морской соли. Он рассеянно изучал список пассажиров, каждый из которых был как отдельная глава в истории этого необычного путешествия.

Пароход попытался причалить к берегу, его корпус тяжело скребезивал о каменные валы, и Зип, просочившись на

²² Перевод С. Косецкого.

берег, узнал о непонятном происшествии. Местный миллионер, известный в городе под псевдонимом Прошка Кузнец, нашел алмаз – камень необыкновенной красоты и чистоты, который мог принести ему несметные богатства.

Зип вошел в бар и остановился, увидев на стене пейзажную картину. Ее хитрость и неожиданность привлекли его внимание. Но в тот момент он был остановлен сценой хаоса: все стены казались перевернутыми, а официанты лежали на полу, удерживая светильники. Не зная, что делать, Зип решил сесть и попытаться восстановить спокойствие в своем сердце.

Вдруг в воздухе засверкал осколок сантехники – это был бриллиантовый изумруд, блестящий алмазным светом, который пронзительно сиял на фоне ямы. Это было нечто большее, чем просто странное совпадение, – это был поворотный момент, который изменил ход событий».

Antikot (Шурик)

Точно, точно! Прекрасно помню, как нас с тобой вштырило, и мы записали свой первый альбом *This is Zhelezo*. Делали из говна и палок, абсолютно не умея играть и петь. Какого компонента там было больше – неясно до сих пор. Впрочем, если сравнить с остальными деятелями той эпохи, – ничего удивительного. Все внезапно занялись тем, чего никогда не умели и о чем не имели ни малейшего представления. Родители ушли в торговлю; кто в лес, кто по грибы – кто во что горазд.

Саша (Староста)

Вот вы всё про музыку, а между прочим, 1990-й – четный и невисокосный. Значит, год чемпионата мира по футболу!

Очень его ждал. У меня первым был ЧМ-86, но мне было только девять лет, телика на даче не было, всего несколько матчей посмотрел у соседей поздними вечерами, с трудом разлепляя глаза. Остальное – слушая по «Маяку», и зачитывал «Советский спорт» и «Футбол-Хоккей», которые папа привозил в выходные.

А тут мы даже телевизор взяли напрокат – по-настоящему, в пункте проката. Я твердо был намерен посмотреть все пятьдесят два матча. Про наклейки «Панини» еще ничего не знал, а тетрадочку завел, все составы аккуратно переписал из «Футбола-Хоккея» и даже флажки нарисовал каждой из двадцати четырех стран (я уже лет пять плотно занимался футбольной статистикой).

Но светопреставление случилось еще в марте – на чемпионате Союза. Прямо перед стартом от участия отказались две грузинские команды – «Динамо» (Тбилиси) и «Гурия». Сообщалось, что Грузия намерена проводить собственный чемпионат. И вступать в ФИФА и УЕФА.

Слушайте, это в голове не помещалось. За полтора года до скончания Союза, даже больше. Ну ладно прибалты – там уже центробежные силы всю себя обозначали. Но Гру-

зия?! Как? Куда? Да еще и футбол! Футбол там всегда был что надо – сборная СССР во все годы без одного-двух сильных грузин не обходилась. Месхи, Метревели, Хурцилава, Кипиани, Чивадзе были звездами не только советского масштаба, но и европейского. Но жить отдельно от Союза, хотя бы и только по-футбольному, – это выглядело настоящим безумием.

А после первого тура снялся и вильнюсский «Жальгирис». Так и провели чемпионат СССР-90 такой вот «обкорнанной» высшей лигой, в тринадцать команд. «Разворачиваются процессы», как сказал бы тогдашний глава государства.

На чемпионат мира Лобановский повез почти ту же сборную по именам, что всех несла в три-четыре предыдущих года. Но выглядела она постаревшей, потяжелевшей – в общем, не очень-то обнадеживающей. Так и вышло.

Самым крутым из наших на чемпионате мира оказался, совершенно для всех неожиданно, главный тренер сборной Камеруна Валерий Непомнящий. Он и выглядел удивительно – «импортно» как-то, стильно и модно, сухо и подтянуто, в солнцезащитных очках, в клевом костюме (деловом, а не спортивном). У нас его и не знал никто – он раньше тренировал где-то в Туркмении. И вот – Камерун, чемпионат мира, «мсье Валери»! И эти его «загорелые ребята» (цитируя Владимира Маслаченко) так играли, что за них переживали, как за своих.

Камерун в матче открытия встретился с Аргентиной –

действующим чемпионом, с действующим Марадоной. Все прикидывали, сколько им наколотит Аргентина, а те держались, отбивались, сами контратаковали, потеряли одного удаленным, потом еще одного, но забить Аргентине так и не дали, а сами свой шанс подкараулили: нападающий выпрыгнул, как баскетболист, и положил головой. А наши были в той же группе и в первом же матче проиграли 0:2 Румынии (Румынии!). Бездарно и беспросветно. Во втором туре мы играли с Аргентиной – двое проигравших, и тут случилась «рука бога», версия 2.0. Все помнят «руку бога» – гол рукой, который Марадона забил четыре года назад (в 1986 году) англичанам. Вторую версию помнят меньше, но мы-то помним! В начале матча при счете 0:0 Марадона рукой выбил мяч, летевший в аргентинские ворота. В итоге мы проиграли 0:2, а Камерун хлопнул и Румынию, почти обеспечив себе первое место в группе. В последнем туре нам надо было забить побольше Камеруну и надеяться, что Аргентина обыграет Румынию или Румыния Аргентину, и тогда мы сможем выйти с третьего места. Камерун мы обыграли – 4:0, но Румыния с Аргентиной не дураки, скатали ничейку, и мы остались четвертыми. Впервые за всю историю ЧМ сборная СССР не вышла из группы.

Камерунцы продолжали жечь, в одной восьмой прошли Колумбию, в четвертьфинале вели против Англии, но то ли сами перепугались, то ли судья помог, а наверное – и то и другое: англичане выиграли 3:2 в дополнительное время, и

помню, как мне было жаль этих камерунских парней.

Вот так этот чемпионат и запомнился: без выдающихся матчей и выдающихся команд, и только всё время было жалко проигравших, почти всех. Кроме Румынии и Аргентины. Было жалко красивую, но какую-то неконкретную Бразилию, «возившую» Аргентину, но пропустившую гол в конце. Бельгию и ее красавца вратаря Приудомма с кудрями до плеч, пропустившего на последней минуте дополнительного времени от англичан. Шикарных звездных югославов, проигравших Аргентине по пенальти в четвертьфинале. И красивых хозяев-итальянцев, которые так выразительно пели свой красивый гимн и не играли в свое привычное «катеначчо» – игру от обороны, дошли до полуфинала – и там опять споткнулись об Аргентину.

В финале были те же, кто и четыре года назад: ФРГ и Аргентина. Серая Аргентина, гением Марадоны дотянутая до финала, на чемпиона совсем не была похожа; а немцы были очень немецкие – четкие, brave, правильные. Я им не симпатизировал, но в финале пришлось болеть за них. Финал вышел скучным; немцы забили с пенальти за пять минут до конца и стали чемпионами. Марадона рыдал; его тоже было немного жалко.

Слегка отомстить любимому игроку детства Марадоне за «руку бога» и расписную ничью с румынами получилось поздней осенью: «Спартак» достался «Наполи» в одной восьмой Кубка чемпионов. Я был уверен, что чемпионы Ита-

лии нас раскатают, но в Неаполе мы удержали нулевую ничью, причем Вася Кульков, игравший персонально с Марадоной, ходил против него в обводку – и чуть ли не успешно. Ответный матч в Москве был 7 ноября; Марадона уже увлеклся не только футболом (можно даже сказать – балдел не только от футбола), прилетел отдельно от команды на частном самолете, позировал на Тверской в каких-то шубах, а в игре вышел на замену во втором тайме и пару раз мог нас «похоронить». Но тут повалил снег, и вот эта телекартинка – «Лужники» битком, великий Диего, снежный заряд – до сих пор перед глазами. Основное время снова окончилось по нулям, началось дополнительное, и тут по первой программе объявили: продолжение – после программы «Время». Вот, действительно, время было! Мы бросились к радио. Когда шла серия пенальти, я вцепился пальцами в холодильник. Потом уже мы расслабленно посмотрели по ТВ, как наши аккуратно положили в левый уголок все пять ударов. Марадона тоже забил, но капнул еще какой-то неаполитанец, и «Спартак» выиграл 5:3 по пенальти. Как же мы торжествовали!

1991

Antikot (Шурик)

ГКЧП²³, путч 1991-го. Как раз время самой мощной подростковой дури. Одноклассники ходили на баррикады и к Белому дому, откуда сохранилось несколько фотографий. «Пугояз»²⁴ и всё такое. Именно то, что доктор прописал неокрепшему молодому разуму. Журналы «Огонек» со страшными байками про «кровавых коммуняк», «какашечкой по шву» и путч. Радио SNC с мотологической группой «Тайм-аут». Лето, конец августа, и тут по радио наяривает *Rock'n'Roll Nigger* Патти Смит: «Nigger, nigger, nigger, nigger, nigger!» Пошел движ, мир вокруг сошел с ума. Экстремально даже по нынешним меркам!

²³ Государственный комитет по чрезвычайному положению, созданный во время путча 1991 года.

²⁴ Слово происходит от фамилий политиков Б. Пуго и Д. Язова, входивших в состав ГКЧП.

Саша (Староста)

В десятом-одиннадцатом классах у нас был УПК – учебно-производственный комбинат. Раз в неделю мы должны были ходить не в школу, а в отдельное здание в Раменках, где собирались старшеклассники со всей округи, и там получать основы какой-нибудь профессии. А в конце девятого класса мы выбирали эту профессию для обучения на УПК: радиотехника, автомобильное дело, типография, еще что-то... И программирование, но туда обещали большой конкурс. Нужно было писать вступительную контрольную по математике, и наши ее как-то хило написали. Последнее задание, со звездочкой, вообще никто не решил: нужно было записать число «тридцать семь» при помощи пяти троек и любых математических знаков. А я решил (там один вариант – совсем вроде простенький) и еще девочке – соседке по парте подсказал втихаря. И потом еще одна через ряд услышала и стала умолять ей тоже подсказать – ну и ей подсказал. Вот нас троих и приняли из всей школы на программирование.

Я вообще, если говорить о профессии, не очень знал, кем быть-то хочу. Меня привлекали литература, история, география, но где здесь профессия – не совсем было понятно. Папа работал в вычислительном центре – в этом тоже виделось интересное, но как-то расплывчато. «Работать на компьютере» – кажется, лучше я не сумел бы объяснить. А вот

программировать мне понравилось. Мы сначала писали на «Бейсике» (там надо было вручную строчки нумеровать) на машинах «БК»; а в одиннадцатом классе – и вообще на «Паскале» на «Ямахах». (Кажется, тогда еще не говорили «писать» про программирование. Девочка-одноклассница спрашивала, правда ли нас учат «составлять программы»: «У нас на курсах есть ребята, они составляют!»)

Не знаю, насколько определила мою судьбу та задачка про «тридцать семь пятью тройками». Может, и по-другому пришел бы к тому же пути. А про задачку я долго думал потом, и курсе на четвертом меня осенило: там же всё еще проще можно было, в два действия делением! А еще лет через пятнадцать придумал третий вариант, совсем красивый. Но для этого мне пришлось осознать, что девять и девять в периоде – это ровно десять, не «стремится к десяти», а вот ровно. Полезное знание, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.